

DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2023-4-149-165

Ю.Г. Бюраева

Внутрирегиональная миграция в Республике Бурятия: объемы, направления, последствия¹

УДК 314.72

Аннотация. Статья посвящена исследованию проблем внутренней миграции в Республике Бурятия в 1990–2021 гг. Миграция рассматривается как определяющая компонента убыли населения муниципальных районов, за исключением пристоличных. Автор акцентирует внимание на изменении её структуры и географии. Делается вывод о смене центра притяжения миграционных перемещений на пригородные зоны столицы республики. Последняя значительно уступает пригородам по интенсивности миграционного прироста. Показано, что принимающие территории испытывают сильные нагрузки с позиции недостатка инфраструктуры и рабочих мест, ухудшения экологической обстановки. Кроме того, у переселенцев обнаруживается тенденция к сохранению элементов сельской культуры и образа жизни в городской местности. Отток чреват обезлюдением обширной сельской территории, старением ее населения и провоцированием следующего витка миграции.

Ключевые слова: внутрирегиональная миграция; миграционная подвижность; село-городская миграция; пригородные территории; Республика Бурятия

Постановка проблемы и социально-экономическая характеристика Республики Бурятия

Периферийные регионы РФ, в том числе дальневосточные, отличаются наиболее высокой в стране миграционной подвижностью. Сохраняющиеся, несмотря на многочисленные программы поддержки развития Дальнего Востока, глубокие социально-экономические проблемы подпитывают происходящие здесь негативные миграционные процессы. В частности, растет их неуправляемость, что проявляется в неустойчивой структуре

¹ Статья подготовлена в рамках госзадания БНЦ СО РАН (0269–2021–0001) «Разработка методологии обоснования направлений стратегического развития депрессивного региона в условиях эколого-экономических ограничений», № [121030500092–7.

миграционных связей регионов, смене трендов в территориальных перемещениях населения, асимметрии встречных миграционных потоков, формировании специфических моделей миграционного поведения. Все эти тенденции характерны и для Республики Бурятия. Масштабы ее миграционных потерь с начала социально-экономических реформ составили десятую часть всего проживающего на данный момент населения (978,9 тыс. чел.²); в основном уезжают люди трудоспособного возраста и высокой квалификации.

Бурятия относится к регионам с низким уровнем социально-экономического развития. Несмотря на ее включение в состав ДФО в 2018 г. для получения действующих в нем стимулов и льгот, принцип преференциального развития, содействующий привлечению трудовых ресурсов и закреплению местного населения, пока не дал соответствующих результатов. Республика остается в числе аутсайдеров по ключевым параметрам социально-экономического развития³, что обусловлено низкими качеством жизни и уровнем благосостояния населения, высокой безработицей (выше среди регионов ДФО только в Забайкальском крае). Отсюда – рост социальной напряженности и недоверия к властным структурам и низкие оценки эффективности деятельности главы республики (72-е место в национальном рейтинге губернаторов)⁴. При этом качество управления столицей региона еще менее результативно: по итогам 2022 г. Улан-Удэ опустился на последнее место в рейтинге российских городов⁵.

Среди негативных тенденций социально-экономического развития можно назвать усиление зависимости работающих граждан от занятости в бюджетном секторе экономики (59,3%⁶) при их низкой вовлеченности в деятельность малого и среднего

² Численность и состав населения [Эл. ресурс]. URL: <https://burstat.gks.ru/demo> (дата обращения: 20.02.2023).

³ Итоговый рейтинг регионов России – 2022 [Эл. ресурс]. URL: <https://ria.ru/20221226/itogi-1841180407.html> (дата обращения: 02.02.2023).

⁴ Национальный рейтинг губернаторов (Итоги 2022 года) [Эл. ресурс]. URL: <https://russia-rating.ru/info/21217.html> (дата обращения: 02.02.2023).

⁵ Улан-Удэ возглавил рейтинг худших городов по качеству управления [Эл. ресурс]. URL: <https://ulan.mk.ru/social/2021/12/22/ulanude-vozglavil-reyting-khudshikh-gorodov-po-kachestvu-upravleniya.html> (дата обращения: 02.02.2023).

⁶ Рассчитано по: Стат. ежегодник. 2022. Стат. сб. / Бурятстат. Улан-Удэ, 2022. С. 77.

бизнеса (8,8%⁷), это объясняется главным образом невысокой рентабельностью последнего из-за сложной логистики, высоких энергозатрат, недостатка соответствующей инфраструктуры. Более медленный темп роста доходной части республиканского бюджета по сравнению с расходной ведет к усилению его дефицита (+ 139,8% в 2023 г. к 2020 г.⁸). Бурятия становится все более дотационным регионом, а развитие традиционных отраслей и использование богатых природных ресурсов ограничены «байкальским фактором».

Рынок труда характеризуется структурным дисбалансом спроса и предложения рабочей силы, несовпадением тенденций его развития с тенденциями образовательной сферы⁹, низким социальным потенциалом вакантных мест, их малым разнообразием ввиду слабой диверсификации и инвестиционной привлекательности экономики¹⁰, распространенностью кумовства и неформальных каналов трудоустройства [Петрова и др., 2020].

Отсутствие перспектив с приемлемым трудоустройством подогревает миграционные настроения жителей республики, а процессы миграции выступают фактором, в значительной степени определяющим демографическую ситуацию.

В связи с этим внимательного изучения требует механическое движение населения Бурятии. В данной статье ключевой исследовательский фокус направлен на анализ внутрирегиональных миграционных процессов, поскольку основной поток перемещений происходит в пределах республики. Информационной

⁷ Рейтинг регионов по вовлеченности населения в малый бизнес – 2021 [Эл. ресурс]. URL: <https://giarating.ru/infografika/20210412/630198880.html> (дата обращения: 03.02.2023).

⁸ Закон Республики Бурятия от 21 декабря 2022 года № 2487-VI «О республиканском бюджете на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 годов» [Эл. ресурс]. URL: <https://rg.ru/documents/2022/12/22/buryatiya-byudget25-reg-dok.html> (дата обращения: 03.02.2023).

⁹ Безработица и большая потребность в работниках – дисбаланс рынка труда объяснил первый зампред Бурятии [Эл. ресурс]. URL: <https://vtinform.com/news/142/187789/> (дата обращения: 22.02.2023).

¹⁰ Инвестиционная привлекательность регионов – Эксперт РА [Эл. ресурс]. URL: https://www.raexpert.ru/regions/regions_invest_2022 (дата обращения: 03.02.2023).

базой исследования послужили данные переписей (ВПН-1989 и ВПН-2020), Бурятстата¹¹ и Росстата¹².

Миграционный оборот и потоки миграции

Уровень миграционной подвижности населения Республики Бурятия довольно высок по сравнению с другими российскими регионами. Так, коэффициент среднегодового миграционного оборота в 2017–2021 гг. составил 87%, что соответствует 14-му месту по РФ и 6-му – по ДФО.

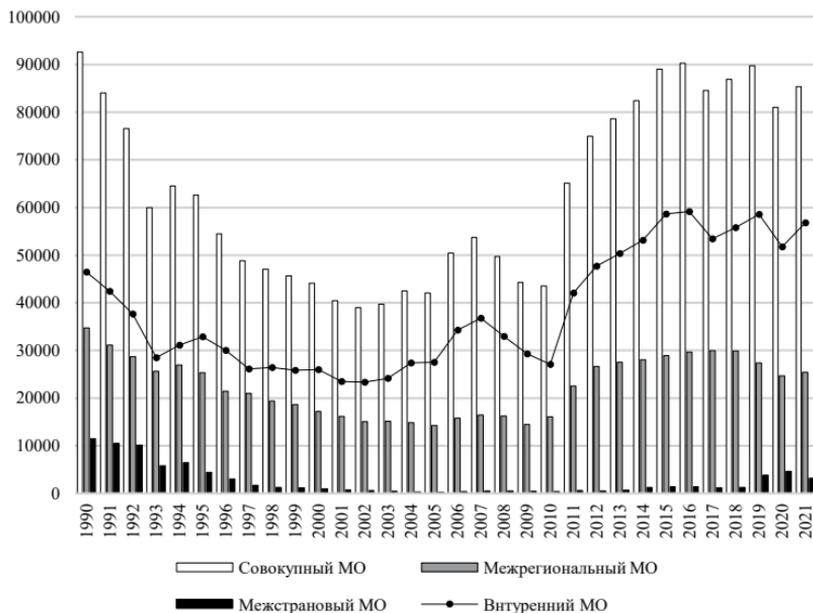
В последнее десятилетие миграционный оборот рос почти непрерывно, достигнув уровня начала 1990-х гг. Исключением стали 2017 г. – из-за снижения объема внутриреспубликанских потоков, и 2020 г. – из-за пандемии и введения карантинных мер (рис. 1). При этом отметим, что рост внутристрановых миграционных перемещений с 2011 г. объясняется изменениями процедуры статистической фиксации миграции [Карачурина, Мкртчян, 2017]: если ранее учитывались только переселения, сопровождающиеся сменой регистрации по месту жительства, то сейчас включаются перемещения с регистрацией по месту пребывания на срок девять месяцев и более (плюс три месяца можно проживать без регистрации, в итоге получается срок не менее одного года). Снижение миграционной активности в 1990–2000-е гг. также было обусловлено изменением системы учета миграции – заменой прописки регистрацией по месту жительства и пребывания, а также вытеснением долговременной (постоянной) миграции временными формами пространственной мобильности.

Формирование и динамика населения в Бурятии зависят в первую очередь от внутрирегиональных перемещений, поскольку они значительно преобладают в общем объеме миграционных процессов. Как правило, речь идет о переселении из сельской местности в столицу региона и пригородные территории. В Бурятии зафиксирован один из самых высоких уровней внутрирегиональных миграционных потоков среди субъектов – 65% в среднем в год, что соответствует 4-му месту в стране

¹¹ Официальная статистика [Эл. ресурс]. URL: <https://burstat.gks.ru/ofstatistics> (дата обращения: 22.01.2023).

¹² Регионы России. Социально-экономические показатели. [Эл. ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 28.01.2023).

(где этот показатель составляет 43%) и самому высокому – в ДФО (51%). Среднегодовые межрегиональные потоки в республике составляют 32%, а межгосударственные – 3%.

Источник. Рассчитано по: Общие итоги миграции населения Республики Бурятия [Эл. ресурс]. URL: <https://burstat.gks.ru/demo> (дата обращения: 23.01.2023).

Рис. 1. Объем миграционного оборота в Республике Бурятия
в 1990–2021 гг., чел.

Внутрирегиональные потоки миграции в 1990–2020 гг.

В период 1990-х гг. внутренние и внешние потоки миграции были практически равнозначными – 51,5% перемещений происходили в пределах республики, 39,7% – внутри страны (между регионами), 8,8% – на уровне государств. Наблюдавшийся в этот период значительный отток населения за пределы республики был вызван окончанием работ по строительству бурятского участка Байкало-Амурской магистрали и прекращением государственных инвестиций. Рабочие, приехавшие в основном из регионов Сибири и Дальнего Востока, стали возвращаться обратно.

Доля «северной миграции» в эти годы составляла 50–65% ежегодной убыли населения за пределы республики. Так, самые северные Муйский и Северо-Байкальский районы теряли в среднем в год 35 и 31 человек соответственно из каждой тысячи населения. Значительный миграционный отток наблюдался и в других северных территориях – Курумканского, Баунтовского районов и города Северобайкальска (от -15,9 до -18,7‰ в среднем в год) (таблица).

**Коэффициенты миграционного прироста / убыли
в разрезе муниципальных образований
Республики Бурятия с 1990 по 2021 гг., %**

Муниципальное образование	Среднегодовой коэффициент миграционного прироста			
	1990–1999	2000–2009	2010–2019	2020–2021
<i>Городские округа:</i>				
Улан-Удэ	4,0	-3,3	3,8	-3,5
Северобайкальск	-15,9	-2,0	-10,7	7,1
<i>Районы:</i>				
Баргузинский	-3,8	-7,0	-11,6	-6,9
Баунтовский	-16,3	-12,1	-17,8	-10,0
Бичурский	-0,6	1,5	-14,4	-8,5
Джидинский	-5,1	-12,8	-31,6	-17,7
Еравнинский	-11,8	-5,9	-19,0	-4,1
Заиграевский	-6,1	-4,8	-0,8	0,3
Закаменский	-4,3	-0,01	-19,3	-16,6
Иволгинский	4,4	20,2	36,4	36,5
Кабанский	4,4	1,4	-6,0	-1,0
Кижингинский	-8,2	-1,1	-22,8	-17,6
Курумканский	-18,7	-13,7	-18,8	-10,8
Кяхтинский	-2,9	-2,4	-13,8	-3,4
Муйский	-35,0	-20,2	-37,8	-7,5
Мухоршибирский	3,9	-2,7	-11,9	-6,8
Окинский	25,4	10,7	-10,5	-7,8
Прибайкальский	1,5	2,8	-3,5	-5,4
Северо-Байкальский	-31,0	-17,3	-22,0	-16,0
Селенгинский	-1,2	-15,2	-16,1	-6,1
Тарбагатайский	7,6	8,7	28,9	36,9
Тункинский	-8,9	-10,4	-18,5	2,8
Хоринский	-5,7	-5,1	-16,3	-14,6
Республика Бурятия	-2,2	-3,6	-3,0	-1,3

Источник. Рассчитано по: Распределение мигрантов в районном разрезе [Эл ресурс]. URL: <https://burstat.gks.ru/demo> (дата обращения: 10.02.2023).

В первые годы после прекращения существования СССР резко увеличились потоки внешней миграции, связанные с этническим фактором. На свою историческую родину стали уезжать евреи, поляки, немцы, татары и представители некоторых других этнических групп. Данные процессы сопровождалось обратными потоками мигрантов из Средней Азии и Закавказья, среди которых были беженцы и вынужденные переселенцы.

Спад развития агропромышленного сектора, развал колхозов и совхозов, проблемы с занятостью привели к сужению возможностей для обеспечения соответствующих условий жизни на селе. В этой связи с 1996 г. начинается, а затем усиливается миграционный отток населения из сельской местности в районные центры, города и столицу республики.

При этом лишь в семи муниципальных образованиях наблюдалось положительное сальдо миграции. Наибольший коэффициент миграционного прироста был отмечен в отдаленном Окинском районе (+25,4% в среднем в год). В абсолютном выражении основным центром притяжения была столица республики.

В период 2000-х гг. миграционная подвижность населения по сравнению с предыдущим десятилетием снизилась, что особенно заметно – в отношении международной миграции (–90,6%), а также межрегиональной (–38,5%). В совокупности внешние для республики потоки снизились практически в два раза. Внутрирегиональный миграционный оборот сократился не столь значительно (–12,9%), что во многом было связано с сокращением численности населения. Основная масса перемещений стала происходить внутри региона (64% от всего миграционного оборота). Продолжилась миграция из северных районов в связи с неспособностью республики поддерживать и обеспечивать развитие удаленных территорий с суровыми природно-климатическими условиями. Установленные ранее государством льготы и надбавки к заработной плате, которые на протяжении многих лет применялись для привлечения туда рабочей силы, утратили свое стимулирующее значение. Коэффициент миграционной убыли из северных территорий варьировался от –12,1 до –20,2% в среднем в год.

Интенсивнее по сравнению с предыдущим периодом теряли население и сельские районы республики – вследствие деградации и примитивизации экономики, приведших

к закрытию системообразующих предприятий и организаций. Так, значительный миграционный отток произошел в Селенгинском районе ($-15,2\%$ в среднем в год) в результате прекращения работы Холбольджинского угольного разреза, признанного нерентабельным. В Джидинском районе ($-12,8\%$ в среднем в год) сказались последствия закрытия вольфрамо-молибденового комбината, снижение мощности племенного завода «Боргойский», который был основным поставщиком шерсти для закрывшегося в 2005 г. Улан-Удэнского тонкосуконного комбината.

Большинство жителей сельских территорий попали в зону полной неопределенности при достижении критического уровня жизни, что привело к распространению девиантных и делинквентных форм поведения, утрате традиционных ценностей [Бадараев, 2014]. Преобладающим способом выживания на селе стало ведение личного подсобного хозяйства, что превратилось в альтернативную форму занятости в условиях тотальной безработицы, и стремления обеспечить семьи и родственников, проживающих в городах. Основная доля сельскохозяйственной продукции (80%) стала производиться личными хозяйствами населения [Бюраева, 2012]. Фактически можно говорить о натурализации сельского хозяйства. Сельчанам предстояло пройти трудный период адаптации к новым условиям жизни. Для многих вынужденной мерой выхода из сложившейся ситуации стал переезд в города – главным образом в Улан-Удэ и его пригородные зоны.

Число муниципальных образований с положительным сальдо миграции в эти годы сократилось до шести. К концу 2000-х гг. в столице практически не осталось свободной и доступной в финансовом отношении земли, поэтому активно стали осваиваться пригородные территории, которые (за 7–10 лет) были массово застроены индивидуальными жилыми домами [Бреславский, 2018]. Так, главным центром притяжения для внутрирегиональных мигрантов стал пристольный Иволгинский район как в абсолютном ($+6,1$ тыс. чел. в совокупности за 10 лет), так и относительном выражении ($+20,2\%$ в среднем в год). Вторым по значению этих показателей был Тарбагатайский район. В самом Улан-Удэ наблюдалось превышение выбывших над прибывшими ($-3,3\%$ в среднем в год). Сельские мигранты, снимающие жилье в столице, начали активно осваивать пригородные зоны и некоторые села Заиграевского района.

В 2010-е гг. доля внутрирегиональных перемещений незначительно выросла (до 64,5%). Продолжающееся ухудшение социально-экономической ситуации в сельской местности в результате неослабевающей безработицы, износа инфраструктуры, накопления социальных проблем обусловило усиление миграционного оттока практически из всех районов республики. В среднем коэффициент миграционной убыли вырос в 2,3 раза по сравнению с предыдущим периодом.

Самые северные районы продолжали оставаться в числе основных доноров (-37,8‰ в среднем в год в Муйском районе и -22‰ – в Северобайкальском). Также один из самых высоких показателей был зафиксирован в Джидинском районе (-31,6‰) в основном «благодаря» передислоцированию крупной воинской части в Челябинскую область в конце 2010 г., что обусловило снижение занятости, сокращение налоговых поступлений в местный бюджет и, как следствие, резкое снижение уровня жизни. В наибольшей степени отрицательное сальдо миграции возросло в сельскохозяйственных Закаменском и Кижингинском районах. В целом сельское население Бурятии на протяжении всего постсоветского периода находилось в состоянии экономической, социальной и социокультурной депривации, обусловленной ухудшением условий и качества жизни.

Количество муниципальных образований с положительным сальдо миграции в эту декаду снизилось до трех – Улан-Удэ и два пригородных района. Основным центром притяжения оставался Иволгинский район, благодаря чему его численность за 10 лет выросла в 1,5 раза – с 37,6 до 57,9 тыс. человек. Доля естественного прироста составляла всего 22,8% в общем приросте населения.

В 2020–2021 гг. доля внутренней миграции увеличилась до 65,2%. Лидерами по миграционному оттоку стали районы сельскохозяйственной специализации с низкой долей промышленности (Джидинский, Кижингинский, Закаменский) в связи с отсутствием кардинальных изменений на селе. Так, по результатам наших исследований, уровень человеческого потенциала сельских муниципальных образований республики невысок [Бюраева, 2022], и реализация проектов по программе «дальневосточной субсидии» не может исправить эту ситуацию – проблемы асимметричности развития муниципалитетов не теряют своей актуальности. Наиболее острыми остаются вопросы

благополучия и демографического развития, заключающиеся в снижении естественного прироста и сохранении миграционного оттока населения.

Миграция из северных территорий в этот период замедлила темпы, поскольку резервы для переселения были сильно истощены в предыдущие годы в результате депопуляции и старения населения. Также сказались влияние более высоких среднедушевых денежных доходов, что наиболее заметно в отношении Муйского района. Здесь коэффициент миграционного оттока снизился до 7,5% в среднем в год, при этом имеет место самый высокий уровень благополучия – 241% от среднереспубликанского показателя¹³. Более того, в Северобайкальске наблюдался миграционный приток (7,1% в среднем в год). В то же время в рамках реализации государственной программы РФ «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан РФ» предусмотрено предоставление в 2023 г. 58 сертификатов на сумму 240,9 млн руб. для граждан, выезжающих из районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей¹⁴, что может подстегнуть «северную эмиграцию».

На этом фоне значение пристоличных районов как центров притяжения населения с остальной территории республики усиливается. В Тарбагатайском и Иволгинском районах среднегодовое сальдо миграции достигло 36,9% и 36,5% соответственно.

Центростремительные тенденции внутренней миграции

Выраженный центростремительный характер миграционных перемещений внутри республики соответствует общероссийскому и мировому трендам [Карачурина, Мкртчян, 2021; Сукнёва, Трубина, 2009]. Основной миграционный отток (65% в среднем в год) из периферийных муниципалитетов поглощается прилегающими к столице районами и отчасти Улан-Удэ, население которого, в свою очередь, мигрирует за пределы региона. Такой интенсивный приток населения на фоне отсутствия здесь реаль-

¹³ Объем социальных выплат населению и налогооблагаемых денежных доходов населения по муниципальным районам (городским округам) Республики Бурятия [Эл. ресурс]. URL: burstat.gks.ru/standard_of_living (дата обращения: 29.01.2023).

¹⁴ Распоряжение Правительства РФ от 4 февраля 2023 г. № 238-р. [Эл. ресурс]. URL: <http://government.ru/docs/all/145899/> (дата обращения: 30.01.2023).

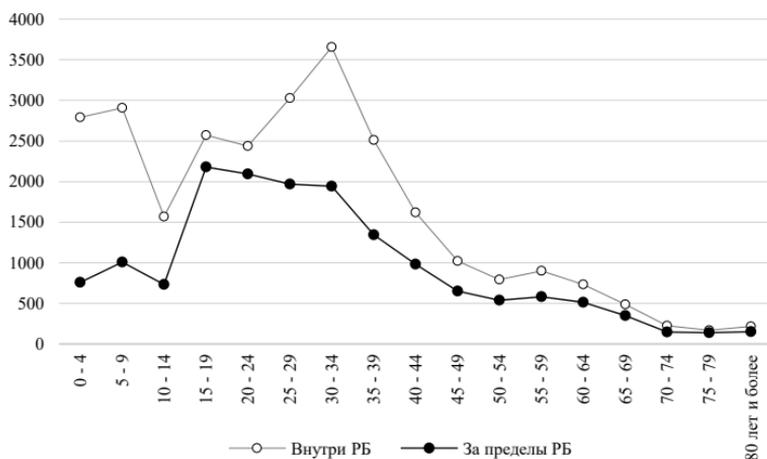
ных привлекающих факторов в первую очередь является ответом на еще худшую ситуацию на территориях отъезда с точки зрения слабости экономического развития, узости рынка труда, недостатка социальной и культурной инфраструктуры, что находит отражение в исследованиях мотивов сельско-городской миграции республики [Бадараев, Содномпилова, 2009; Бреславский, 2014]. Сказывается и политика органов региональной власти по созданию Улан-Удэнской агломерации за счет включения сюда четырех районов республики (Иволгинский, Заиграевский, Прибайкальский, Тарбагатайский) с целью участия в федеральных программах. Так, Бурятия смогла войти в 2017 г. в приоритетный проект «Безопасные и качественные дороги»¹⁵. К настоящему моменту совокупная численность населения данной агломерации составляет более половины всего населения республики – 601,2 тыс. человек (61,1%), а её территория занимает всего 8,1% площади региона.

Негативные следствия внутрирегиональной миграции затрагивают все стороны жизни сельских территорий – происходит отток наиболее молодых и активных жителей, закрытие объектов социальной инфраструктуры (фельдшерско-акушерских пунктов, школ и пр.) вследствие снижения подушевого финансирования, ухудшение качества среды и, как результат, провоцируется следующий виток миграции.

Традиционно наиболее подвижными являются молодежные когорты, мигрирующие с образовательными и трудовыми целями (рис. 2). Но если всплеск оттока за пределы республики происходит в возрасте образовательного выбора, то внутри региона пик миграции приходится на старшие группы молодежи – 30–34 лет и 25–29 лет, что обусловлено поиском работы. Как правило, люди в этом возрасте меняют место жительства всей семьей, вследствие чего миграционная убыль детей до девяти лет также высока, что в совокупности ведет к старению населения и ухудшению демографической ситуации в муниципалитетах-донорах. При этом большинство внутренних мигрантов (65,9%) имеют профессиональное образование, а половина из них – высшее. Таким

¹⁵ Глава Бурятии: «Мы запрыгнули в уходящий вагон» [Эл. ресурс]. URL: <https://www.baikal-daily.ru/news/15/286282/> (дата обращения: 14.02.2023).

образом, экономические факторы, определяющие уровень и качество жизни, являются основным мотивом внутренней миграции.

Источник. Рассчитано по: Миграция населения Республики Бурятия. Стат. сб. / Бурятстат. Улан-Удэ, 2022. 52 с.

Рис. 2. Миграционные потоки населения внутри и за пределы Республики Бурятия в разрезе возрастных групп в среднем в год за период 2017–2021 гг., чел.

При сохранении сложившихся тенденций активной миграционной подвижности сельского населения роль моноцентра в региональной системе расселения будет усиливаться, что грозит обезлюдением обширной сельской территории. Это в свою очередь резко ограничивает возможности развития сельского хозяйства (традиционными для Бурятии являются мясное и молочное животноводство, тонкорунное овцеводство, овощеводство) и соответствующих перерабатывающих производств. Уже много лет эти отрасли находятся в кризисном состоянии, хотя сельское хозяйство – исконный вид деятельности народов, населяющих республику.

В настоящее время на базе столицы, численность которой стабильно растет с 2007 г., сформировалась локальная система расселения – агломерационная зона, включающая в свой состав, помимо городского, сельское население близлежащих территорий (22 населенных пункта в радиусе до 30 км). Она представляет собой взаимосвязанную группу поселений, между которыми

имеет место интенсивная маятниковая миграция с трудовыми, культурно-бытовыми и рекреационными целями. Ее ареал определен наличием развитой дорожной сети с регулярным транспортным сообщением, объединяющей населенные пункты в единое целое, приемлемым количеством времени, затрачиваемым на передвижение внутри зоны. Так, большинство жителей близлежащих сел и поселков ежедневно выезжают в столицу на работу.

Следует отметить значительно более интенсивный рост пригородных территорий Иволгинского, Тарбагатайского и Заиграевского районов. Численность их населения выросла за межпереписной период 1989–2020 гг. в 4,6 раза (с 17,8 до 82,9 тыс. чел.), тогда как самой столицы – в 1,2 раза (с 370,9 до 437,6 тыс. чел.). В качестве основных причин отмечаются территориальные ограничения развития Улан-Удэ и сравнительная дешевизна обустройства в пригороде [Бреславский, 2014]. Здесь участок можно приобрести по «дальневосточной ипотеке» под 2% годовых.

В связи со значительным притоком населения территории-реципиенты испытывают существенные нагрузки. Развитие инфраструктуры при недостаточных объемах муниципальных бюджетов значительно отстает от темпов жилищной застройки, не имеющей организованного характера. Наиболее остро стоят проблемы загруженности транспортного сообщения, обеспечения безопасности жизнедеятельности, малой мощности инженерных сетей.

В самом Улан-Удэ происходят процессы ложной урбанизации, когда увеличение городского населения не сопровождается соответствующим увеличением рабочих мест и развитием городской инфраструктуры, но характеризуется сохранением элементов сельской культуры и образа жизни у новых жителей. Так, согласно региональным исследованиям, большую площадь Улан-Удэ занимает малоэтажная индивидуальная застройка на территории отдаленных микрорайонов и дачных товариществ, где отсутствуют многие городские коммунальные блага [Бреславский, 2018]. Ситуация осложняется резким ухудшением экологической обстановки, в том числе из-за смога разросшегося частного сектора и увеличения числа автомобилей, стоящих в пробках в связи с исчерпанием пропускной способности существующих магистралей. Так, с 2012 г. столица республики

входит в перечень российских городов с наибольшим уровнем загрязнения атмосферы¹⁶. Требуют решения и множество других экологических проблем, в том числе загрязнение рек и рост числа несанкционированных свалок.

Заключение

Таким образом, на распределение населения Республики Бурятия значительно влияют внутренние миграционные процессы. Начиная с 1990-х гг. миграционная составляющая является определяющей компонентой убыли населения муниципальных районов, за исключением пристоличных. Отмечается общее увеличение числа участников миграционных перемещений. Структура миграционного оборота претерпела существенные изменения в пользу внутренней миграции, имеющей центростремительный характер. При этом для переселенцев гораздо более привлекательны пригородные зоны, чем сама столица. В этой связи отток населения из остальной территории республики ведет к его концентрации в пределах не только ядра агломерации, но и в целом – агломерационной зоны. В последние годы интенсивность миграционных потоков из сельских районов республики увеличилась на фоне замедления «северной миграции». Большую часть во внутрирегиональном обмене составляют старшие когорты молодежи от 25 до 34 лет, мигрирующие с целью поиска работы и трудоустройства. Мотивы внутренней миграции тесно связаны с низким уровнем и качеством жизни на селе, неразвитостью, а местами отсутствием инфраструктуры всех видов.

В условиях продолжающегося значительного социально-экономического отставания Бурятии от большинства российских регионов, в том числе дальневосточных, миграция из сельской местности в столицу и ее пригороды будет усиливаться, что создает угрозу для реализации приоритетного развития республики как одного из дальневосточных регионов. Поэтому миграционная политика должна быть направлена на локализацию и ликвидацию причин оттока путем создания соответствующих экономических условий и социальной инфраструктуры на местах.

¹⁶ Список городов России с наибольшим уровнем загрязнения атмосферного воздуха [Эл. ресурс]. URL: <http://voeikovmgo.ru/index.php/izmenenie-klimata-v-rossii-v-xxi-veke?id=1047> (дата обращения: 16.02.2023).

Решение видится в нивелировании конкурентных преимуществ жизни в городских условиях в пользу сельских (благоустройства жилья, внешнего облика села, совершенствование системы услуг, развитие инфраструктуры и пр.). Действующей системы преференций для этого явно недостаточно. В первую очередь следует активизировать экономическую политику, направленную на формирование рабочих мест с соответствующей заработной платой. Необходима конвергенция уровня заработной платы в республике со средней по ДФО, а также выравнивание разрыва в межотраслевой и межпрофессиональной оплате труда и предоставление государственной поддержки сельской молодежи.

Литература

Бадарав Д. Д. Сельско-городская миграция как фактор адаптации к социально-экономическим процессам // Вестник Бурятского государственного университета. 2014. № 14–2. С. 59–63.

Бадарав Д. Д., Содномпилова М. М. Сельско-городская миграция в Бурятии: формирование транслокальных сообществ // Город и село в постсоветской Бурятии: социально-антропологические очерки. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2009. 163–185.

Бреславский А. С. Мечта или кошмар? Мотивы и практики оседания семей сельских мигрантов в пригородах Улан-Удэ // «Жизнь на чемоданах»: мобильность семьи и социальное благополучие: сб. науч. ст. Владивосток: ДФУ, 2018. С. 147–158.

Бреславский А. С. Незапланированные пригороды: сельско-городская миграция и рост Улан-Удэ в постсоветский период. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2014. 192 с.

Бюраева Ю. Г. Трудовой потенциал сельских территорий Республики Бурятия // ЭКО. 2012. № 10. С. 130–141.

Бюраева Ю. Г. Человеческий потенциал населения Республики Бурятия: уровень и динамика развития в муниципальном разрезе // ЭКО. 2022. № 11. С. 40–66. DOI: 10.30680/ЕСО0131–7652–2022–11–40–66

Карачурина Л. Б., Мкртчян Н. В. Внутренняя долговременная миграция населения в России и других странах // Вестник Московского университета. Серия 5. География. 2017. № 2. С. 74–80.

Карачурина Л. Б., Мкртчян Н. В. Внутрирегиональная миграция населения в России: пригороды выигрывают у столиц // Известия РАН. Серия географическая. 2021. Т. 85. № 1. С. 24–38. DOI: 10.31857/S2587556621010076

Петрова Е. В., Бильтрикова А. В., Дашибалова И. Н. Влияние этничности на социальное продвижение в Бурятии // Социологические исследования. 2020. № 3. С. 93–99. DOI: 10.31857/S013216250008799–1

Сукнёва С. А., Трубина А. В. Внутрорегиональная сельско-городская миграция в республике Саха (Якутия) // Региональная экономика: теория и практика. 2009. № 32. С. 139–144.

Статья поступила 28.02.2023

Статья принята к публикации 15.03.2023

Для цитирования: Бюраева Ю. Г. Внутрорегиональная миграция в Республике Бурятия: объемы, направления, последствия // ЭКО. 2023. № 4. С. 149–165. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2023-4-149-165

Информация об авторе

Бюраева Юлия Григорьевна (Улан-Удэ) – доктор социологических наук. Отдел региональных экономических исследований Бурятского научного центра СО РАН. E-mail: julbur@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-7307-8309

Summary

Yu. G. Buraeva

Intraregional Migration in the Republic of Buryatia: Volume, Directions, Consequences

Abstract. The paper is devoted to the study of the problems of internal migration in the Republic of Buryatia in 1990–2021. Migration is considered as a determining component of population loss in municipal districts, with the exception of suburban areas. The author focuses on changes in its structure and geography. The conclusion is made about the change of the center of gravity of migration movements to the suburban areas of the capital of the Republic. The latter is significantly inferior to the suburbs in terms of the intensity of migration growth. It is shown that the host territories experience strong pressures from the position of lack of infrastructure and jobs deterioration of the environmental situation. In addition, migrants tend to retain elements of rural culture and lifestyle in urban areas. The outflow is fraught with depopulation of the vast rural area, the aging of the population and provoking the next round of migration.

Keywords: *intraregional migration; migration mobility; rural-urban migration; suburban areas; Republic of Buryatia*

References

- Badaraev, D.D. (2014). Rural and urban migration as factor of adaptation to social and economic processes. *Bulletin of BSU*. No. 14–2. Pp. 59–63. (In Russ.).
- Badaraev, D.D., Sodnompilova, M.M. (2009). *Rural-urban migration in Buryatia: the formation of translocal communities*. In: City and village in post-Soviet Buryatia: socio-anthropological essays. Ulan-Ude, Publishing house of BSC SB RAS. Pp. 163–185. (In Russ.).
- Breslavsky, A.S. (2018). *Dream or nightmare? Motives and practices of settling families of rural migrants in the suburbs of Ulan-Ude*. In: “Life on suitcases”: family mobility and social well-being. Vladivostok: DFU. Pp. 147–158. (In Russ.).

Breslavsky, A.S. (2014). *Unplanned suburbs: rural-urban migration and the growth of Ulan-Ude in the post-Soviet period*. Ulan-Ude, Publishing House of BSC SB RAS. 192 p. (In Russ.).

Byuraeva, Yu.G. (2012). Labor potential of rural territories of the Republic of Buryatia. *ECO*. No. 10. Pp. 130–141. (In Russ.).

Byuraeva, Yu.G. (2022). Human potential of the population of the Republic of Buryatia: the level and dynamics of development in the municipal sector. *ECO*. No. 11. Pp. 40–66. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-11-40-66

Karachurina, L.B., Mkrtchyan, N.V. (2017). Long-term internal migration of population in Russia and other countries. *Moscow university bulletin. Series 5. Geography*. No 2. Pp. 74–80. (In Russ.).

Karachurina, L.B., Mkrtchyan, N.V. (2021). Intraregional population migration in Russia: suburbs outperform capitals. *Izvestiya Rossiiskoi Akademii Nauk. Seriya Geograficheskaya*. Vol. 85. No. 1. Pp. 24–38. (In Russ.). DOI: 10.31857/S2587556621010076

Petrova, E.V., Biltrikova, A.V., Dashibalova I.N. (2020). Impact of Ethnicity on Upward Mobility in Buryatia. *Sociological Studies*. No. 3. Pp. 93–99. (In Russ.). DOI: 10.31857/S013216250008799-1

Sukneva, S.A., Trubina A.V. (2009). Intraregional rural-urban migration in the Republic of Sakha (Yakutia). *Regional Economics: Theory and Practice*. No. 32. Pp. 139–144. (In Russ.).

For citation: Byuraeva, Yu.G. (2023). Intraregional Migration in the Republic of Buryatia: Volume, Directions, Consequences. *ECO*. No. 4. Pp. 149–165. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2023-4-149-165

Information about the author

Byuraeva, Yulia Grigorievna (Ulan-Ude) – Doctor of Social Sciences. Department of Regional Economic Research Buryat Scientific Center of the SB RAS. E-mail: julbur@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-7307-8309